

Портрет

МЫ ЛЮБИМ ВСЕЙ СЕМЬЕЙ
НАД ЧЕМ-НИБУДЬ КОЛДОВАТЬ.
В ТАКИЕ МИНУТЫ МЫ СЧАСТЛИВЫ.

10

Я устал ходить ко всяким знаменитым людям и спрашивать их, со скукой глядя куда-то мимо их глаз, мол, как вы относитесь к демократам-террористам-коммунистам-путчистам? Мол, гибнет ли культура или загнивает?.. Мол...? И тогда я понимаю, что хочу поговорить про что-то очень простое, но самое главное, про что-то, не зависящее от импичментов, недоверия и проч. и проч. Например, про дом. И про любовь.

В собеседники беру женщину неземной красоты. Не в смысле очень красивую — хотя и это правда, а в том смысле, что красота ее эдакого мистического свойства. Если бы я кино снимал — я бы пригласил ее на роль инопланетянки. Впрочем, может она и есть инопланетянка в нашем прагматичном, наэлектризованном политическом мире?

Итак, представляю мою собеседницу: популярная, знаменитая и — поверьте — совершенно естественная в общении **Наталья Белохвостикова**.

— **Наталья**, я хотел бы начать с начала, с того момента, когда начинался ваш дом, ваша семья. Коротко говоря, со знакомства с вашим мужем — знаменитым режиссером **Владимиром Наумовым**.

— Ничего романтического не было. Я летела за границу, и в нашу делегацию в последний момент вместо заболевшего режиссера случайно попал Наумов. Я знала, конечно, этого режиссера по фильмам, но знакомы мы не были. В самолете он обратил на себя внимание тем, что постоянно крутил сигарету, но не курил. Как потом выяснилось, незадолго до поездки он бросил курить и сигарета его успокаивала.

— Увидели вы мужчину с сигаретой около рта и тут же влюбились?..

— Нет. Это произошло позже.

— **А как?** Расскажите... Это же ужасно интересно: как мужчина добивается любви красивой женщины...

— Мне кажется, что в любви человек проявляется даже для самого себя иным, для самого себя неожиданным. Любовь всегда взрывает обычный ход жизни. Если не взрывает — значит, это не любовь. В какой-то момент начинаешь чувствовать, что и другой человек без тебя не может, и ты без него как-то неполноценная, что ли. Когда Володя выехал на выбор натуры, то люди даже подсмеивались над ним — он везде ходил с меш-

ком пятнадцатикопеечных монет, который, наверное, несколько килограммов весил. Все свое свободное время он проводил в телефонных будках. Вообще такое количество стихов, какое я услышала от него тогда — я не слышала за всю свою жизнь.

— **А потом ваш муж надел костюм, галстук и сделал вам предложение?**

— Володя всегда ходит в костюме, потому что он — руководитель объединения на «Мосфильме», у него работа такая. А предложение сделал, как всякий в моем понимании приличный и интеллигентный человек.

— **Наталья**, я представляю себе такую ситуацию: встретились две сильные творческие личности, у каждого из вас — свои привычки, свои вкусы. Чтобы не было конфликтов, вам часто приходилось себя смирять?

— Нехорошее это слово «смирять». Почему? Зачем? Надо стараться быть умной, мудрой — вот и все.

— **Здорово, но не понятно. Например, ваш муж любит жареную картошку, а вы — вареную. Или — ваш муж любит часами сидеть в кабинете, а вы — гулять в парке. Вот вам и конфликт, для многих семей неразрешимый.**

— Не понимаю. Я ему поджарю картошку, и вкусно, и буду счастлива оттого, что ему нравится. Если он сидит в кабинете — я пойду гулять одна или с друзьями. Когда муж говорит своей жене: «Будет только так — и все» — это катастрофа, это значит, что любви нет. Муж и жена, мне кажется, должны идти навстречу друг другу, если этого не происходит — семья рушится. И правильно рушится — таким семьям не надо сохраняться.

— **А как быть с бытом? У вас муж водит машину, вот вы ему и говорите: «Ты, — мол, — на машине, не мог за картошкой заехать, я должна ее таскать, что ли?»**

— В самом страшном сне не могу представить, что я так говорю. Что человек успеваает — то и делает, с этим проблем не бывает. Готовим я и дочка. Муж тоже может замечательно поджарить отбивные или запечь мясо, но я никогда не хотела, чтобы он стоял у плиты. Не мужское это дело. Готовка — это данность, которая меня не раздражает. Я могу принимать людей, иногда помногу, и если они говорят про какое-то мое блюдо, что оно — безусловно вкусное, я радуюсь не меньше, чем если меня хвалят за удачную роль.

— **У вас не маленькая квартира. Убирать ее, наверное, приглашаете «человека с пылесосом»?**

— Вы что! Чтобы пришел кто-нибудь и начал мне тут все сносить, а в результате я сама себя не смогу найти? Убираемся мы все вместе. Пусть у нас никогда не будет операционной чистоты, но зато будет нормальный, хороший, наш дом.

Хочется пошутить что-нибудь вроде: «Наш дом — Газпром», потому что законы построения такого, в социальном смысле, дома более-менее понятны. Деньги там, власть — категории доступные. А вот нежность, доверие, любовь — с этим сложнее. Здесь можно предложить только «информацию к размышлению» — выводов не бывает.

— **А что в доме самое главное, из чего он вообще состоит?**

— Из кого, а не из чего. Из людей. Стены, мебель — это все не так существенно. Говорю вам это абсолютно точно, как погорелец.

— **Вы — погорелец?**

— Мы жили тогда на другой квартире, и однажды я включила наш телевизор «Рубин», отошла, и телевизор взорвался. А когда горит наш «Рубин», его части летят по всей квартире и везде вспыхивает пожар. Зрелище фантастическое: огня не видно, и только по жару ощущаешь, где горит. Я первым делом вытащила из квартиры маленькую Наташку, увидела, что горит муж, закричала: «Володя, ты горишь!» Наталья тогда очень испугалась. У нас за двадцать минут сгорело все: не было окон, выгорел даже паркет. Сгорели мои письма, сгорели фотографии, сгорела шкатулка, которую мне мама подарила — не мебели, а этих вещей очень жаль.

— **И что вы стали делать, когда остались на пепелище?**

— Позвонили папе, он тогда был жив. Сказала: «Папа, приезжай, мы тут сгорели». Он приехал, а мы хохочем. Это был не истерический хохот, а просто мы очень хорошо поняли: когда все живы — остальное не страшно. Сделали ремонт в квартире, она стала очень красивой, но жить мы там не могли. Дом получился не жилой, туда не шли ноги, а Наталья там вообще не могла оставаться. Теперь переехали сюда, и здесь наш дом. Так что дом — это не стены, а люди...

— **Ваша семья, ваш дом строится на абсолютном доверии?**

— Конечно.

— **А сцены ревности типа: «Где ты была? Что ты там делала?» — бывают?**

— Нет. У нас в доме принято: если задерживаешься — надо звонить. Даже если дочка звонит и говорит: «Я сегодня приду в час» — я только спрашиваю: «Тебя проводят?» — и все, сцен ей не устраиваю. Я знаю, что когда меня нет дома — за меня волнуются, и всегда стараюсь успокоить... Недавно мама была у нас и ей показалось, что я должна прийти раньше, когда я вернулась — она стояла у открытой двери, ждала.

Мама. Отец. Корни. Пример. Ничто не берется ниоткуда. Если у детей получается построить дом — такой вот, нормальный, добрый дом, — это лучший памятник их родителям. Ему радуются они более всего, вне зависимости от того, живут ли рядом с детьми или детям кажется, что родители умерли и перестали за ними следить...

— Отец умер одиннадцать лет назад, и сейчас мне кажется, что я о многом могла бы с ним



фото Алексея Родионова

поговорить, обсудить что-то, что по-настоящему болит, он бы мне, конечно, на многие вопросы дал ответ. Но тогда я этого не понимала... Отец окончил знаменитый ИФЛИ, тот самый институт, где учились многие замечательные поэты, а потом — высшую дипломатическую школу, мечтал быть дипломатом. Его послали в Канаду, а у него было осложнение после туберкулеза. Плыли на кораблях через Дальний Восток. Три недели плыли. Он чудом остался жив — еще бы несколько дней, и его не довезли. Знаете, сейчас модно находить всякие глубинные корни своей семьи, я их не ищу, потому что точно знаю: родители мои — простые люди, отец без всякого блата сделал дипломатическую карьеру. Он был очень умный человек. Потрясающе знал английский язык, думал по-английски, мог длинные речи говорить по-английски, как по-русски.

— **Очевидно, что вы жили более благополучно, чем ваши сверстники, у вас наверняка были какие-то вещи, о которых ваши ровесники могли только мечтать. Как в такой ситуации не стать высокомерной, заносчивой? Такая проблема стояла в вашей семье?**

— Наверное, да, но, будучи дочерью посла, я этого никогда не ощущала. У меня не было невероятных туалетов, я нормально, скромно одевалась. Даже когда лет в четырнадцать я просила купить мне что-нибудь эдакое, мама говорила: «Нет, тебе это сейчас не пойдет». Конечно, меня держали в определенных рамках, но у меня еще и характер всегда был такой, Богом данный, что ли... Представляете, меня, совсем малышку, в Лондоне привезли в многоэтажный детский магазин, где продавалось буквально все, что только можно себе представить. И вот, когда мы обошли весь магазин, мама спросила: «Наташенька, тебе что-нибудь понравилось?», я долго молчала, а потом не закричала: «Вот это купи, это, это и это», а сказала спокойно: «Можно я посмотрю еще вон ту куклу». И это я не к тому рассказываю, что, мол, вот какая я хорошая скромница. Нет. Просто есть какие-то черты характера, которые тебе даны, и никакой твоей заслуги в этом нет. Кстати, дипломатическая работа отца приносила мне много печалей, потому что мы вынуждены были все время расставаться — тогда же не было школ за границей, и я виделась с родителями только в летние и зимние каникулы. Я приезжала к родителям и тут же начинала отсчитывать: двадцать девять дней осталось, двадцать восемь... В Москве скучала ужасно. Заказывали разговоры с заграницей, по два-три дня ждали, а потом еще и не давали. Мои родители никогда меня не поучали, не проводили со мной воспитательной работы. Они жили, дышали, я рядом жила, дышала — вот и все. И когда у меня Наташа родилась, я очень хотела, чтобы мы тоже не распались, не рассыпались...

Дочь. Тревоги. Бессонные ночи. Жизнь. Ничто не берется ниоткуда. Фраза, брошенная Белохвостиковой: «Если бы не дочка — я бы не знала, как жила» — не просто фраза. Это смысл жизни. Нормальной жизни.

— **А почему вашу дочку назвали так же, как вас — Наталья?**

— Это муж решил. Он говорил: «Позову: «Наталья» — и будут Наташи сбегаться со всех сторон. Хорошо ведь...»

— **А как вы воспитываете дочь, если, скажем, вам не нравится что-то, что она делает?**

— Слова говорю.

— **То есть сажаете в кресло и говорите: «Наталья, я сейчас буду тебя воспитывать?»**

— Нет, разумеется. Когда существует взаимопроницающая жизнь — мы не отдаляемся, мы живем одной семьей, в этой квартире. Даже если я что-то не знаю точно — я все ощущаю. Когда мне что-то не нравится — я могу сказать. Тихонечко. Кричать никогда не буду, да и я не умею.

— **Не понял. Вы что, никогда в жизни не кричали, не конфликтовали?**

— Я могу спорить, если дело касается работы или моих близких, друзей. Но так, чтобы кидать какие-то резкие обвинения — никогда. Я вообще считаю, что обижать людей не надо. Я не умею ссориться.

— **А как вы снимаете стрессы, усталость?**

— Прихожу домой.

— **И что делаете?**

— Беру крепкий чай, собаку, книжку. Это когда надо побыть одной. А если я чем-то довольна, мне ужасно хочется, чтобы весь мир нашей квартиры об этом узнал. В общем, мы очень любим тут втроем, с собакой запершись, что-то такое колдовать. В такие минуты мы счастливы.

По плану на этом месте — в финале — я должна была сделать какие-то романтически-заунывные выводы про дом, любовь и нежность. Но лучше, чем героиня интервью, я подвести итог беседе не могу. Я — пас. Остается только откланяться.

Андрей МАКСИМОВ.

Наталья Белохвостикова — кинозвезда. Родилась в Москве, в семье дипломата, Чрезвычайного и Полномочного Посла. По знаку зодиака — Лев. Училась во ВГИКе, в мастерской Сергея Герасимова, в фильме своего учителя «У озера» сыграла первую крупную роль. С тех пор снялась более чем в 20 картинах. Муж — известный кинорежиссер Владимир Наумов. Дочь, тоже Наталья, в этом году окончила актерский факультет ВГИКа. В гараже стоит машина «Волга», на которой кинозвезда никак не решится начать ездить. Полноправный член семьи — доберман по имени Агат.

Наталья
БЕЛОХВОСТИКОВА:

МОЙ ДОМ — МОЯ НЕЖНОСТЬ



фото ИТАР-ТАСС